

В. В. Попов

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье анализируется проблематика информационной природы прав человека на основе рассмотрения их связи со свободой. В качестве варианта толкования свободы рассматривается ее понимание в качестве разрешения. На этом основании анализируются права человека, понимаемые как разрешение. В целях выяснения нормативных особенностей разрешения исследуются вопросы взаимной определимости разрешений, обязываний и запретов, при этом устанавливается, что разрешения допустимо толковать как в нормативном варианте, так и в описательном. Показывается, что различие подобного толкования разрешений ставит под сомнение целесообразность различения общедозволительного и запретительного правовых режимов. Обосновывается положение о том, что описательная интерпретация разрешений, характеризуя лишь отсутствие запрета, нецелесообразна, поскольку не предполагает собственно нормативных свойств прав человека. Устанавливается, что нормативная интерпретация разрешений лишь определенным образом указывает на запрет или обязывание, не имея собственного нормативного значения. Данное обстоятельство ставит под сомнение целесообразность понимания прав человека как свободы при толковании свободы как разрешения в узком системном контексте.

Ключевые слова: права человека, субъективные права, юридические обязанности, правовые запреты, общедозволительный правовой режим, запретительный правовой режим, взаимоопределимость прав и обязанностей.

V. V. Popov

HUMAN RIGHTS AS SUBJECTIVE RIGHTS: PROBLEMS OF NORMATIVE INTERPRETATION

The article analyzes the problems of information nature of human rights on the basis of their relation to freedom. The interpretation of freedom is considered the understanding of it as permission. On this basis, the author discusses human rights, understood as permission. In order to clarify the normative features of the resolution the author deals with the issues of mutual definability of permits, obligations and prohibitions. It is determined that the permission is valid to interpret both in the standard version, and in the descriptive one. The difference between these permission interpretations questions the discernment between liberal and prohibitive legal regimes. Descriptive interpretation of the permission describes only the absence of the ban. And because of this it is inappropriate. Descriptive interpretation of the permission does not imply regulatory properties of human rights. It is established that normative interpretation of permission it is only the specific way to indicate prohibition or bind. It does not have their own normative values. This fact casts doubt on the feasibility of human rights understanding as freedom in the interpretation of freedom as permissions in the narrow system context.

Keywords: human rights, subjective rights, legal obligations, legal prohibitions, liberal legal regime, restrictive legal regime, mutual definability of rights and responsibilities

Важность научного исследования природы прав человека представляется исключительной. Реализацию прав человека можно считать основой правозащитной политики государства [1, с. 24], притом что проблема обеспечения и защиты прав человека является для нашей страны одной из самых трудно решаемых [2, с. 24].

Раскрытие логических основ происхождения, содержания прав человека позволяет выявлять

именно те ошибки, которые позволяют осуществлять многочисленные акты злоупотребления идеей данных прав, факты использования идеи прав человека ради разрушения этих прав.

Продолжая изучение естественности прав человека, обратим взор на связь данных прав со свободой. При подробном рассмотрении данная связь вовсе не представляется очевидной,

несмотря на целый ряд факторов, которые могут убеждать нас в почти уже тривиальности самой идеи о связи прав человека со свободой.

Действительно, неразрывность подобной связи внушается политико-правовой пропагандой. Помимо этого, она широко, практически концептуально признается юридической наукой, например в рамках либертарной концепции права В. С. Нерсисянца. Наконец, в правовых актах и внутринационального, и международного уровня сами права человека могут именоваться «свободами».

И вместе с тем связь прав человека со свободой далеко не проста и совсем не очевидна. Как уже отмечалось автором ранее, понимание свободы как некой возможности не позволяет отождествлять ее с правами человека [3]. Некая возможность (в ее алетическом толковании) вообще не позволяет устанавливать логическую связь с нормативными предписаниями.

Однако понимание свободы как возможности не является единственно допустимым и правильным. Вполне правомерна трактовка свободы (как минимум в информационном аспекте) как некоего разрешения. На этом основании вполне возможно рассмотреть связь прав человека со свободой.

Как несложно заметить, в сугубо юридическом аспекте — это сближение прав человека с субъективными правами. Конечно, данный вопрос решается различными учеными по-разному, и в рамках настоящей статьи мы рассмотрим лишь базовые элементы такой связи. Это связь информационной природы обоих феноменов, причем речь будет идти о логико-семантическом ее аспекте.

Само по себе разрешение считается конструкцией, весьма хорошо знакомой как юридической науке, так и практике. Более того, разрешение зачастую признается элементом не только юридических, но и других норм. Именно поэтому данная конструкция известна под названием «оператор нормативности» («нормативный оператор»). Часто используется иной термин, но с тем же значением — «деонтическая модальность». Подобный оператор достаточно хорошо изучен логикой норм. Он выделяется наряду с такими нормативными операторами, как «обязательно» и «запрещено», причем вне зависимости от того, идет речь о правовых или каких-либо иных нормах.

Здесь важно заметить, что в строго научном, логическом смысле выделяется не более трех нормативных операторов — «разрешено», «обязательно» и «запрещено». Важность данного замечания обусловлена следующим обстоятельством. Поскольку нормы права формулируются в естественном языке, а правила техники правотворчества соблюдаются при этом далеко не всегда, постольку сами нормативные операторы чаще имеют форму иных языковых выражений: «может», «допускается», «должен», «не допускается» и т. д. Более того, не всегда нормативное содержание вообще выражается явным образом, эксплицитно с помощью соответствующих операторов нормативности или же их популярных естественно-языковых заместителей. Часто языковая форма предложения не соответствует его нормативному содержанию. В таких случаях характер содержания устанавливается исходя из контекста употребления соответствующего предложения. Если таким контекстом является нормативно-правовой акт, в котором находится такое не совсем удачно сформулированное высказывание, то используется системное толкование и текста, и контекста данного высказывания. Именно подобный способ уяснения или разъяснения значения и смысла текста нормативно-правового акта позволяет установить: данное высказывание является нормой права или же не является.

Иными словами, оператор нормативности существует всегда (если вообще речь идет о норме). Этот оператор может являться либо запретом, либо обязанностью, либо разрешением.

Операторы нормативности имеют свойство взаимной определимости. В частности, обязанность и запрет взаимно определимы.

Если мы назовем некое нормативно предписываемое поведение термином «А», то можно получить следующие способы выражения нормативных высказываний друг через друга, иными словами — эквивалентные преобразования.

Выражение «**обязательно** А» соответствует выражению «**запрещено** не А».

Выражение «**запрещено** А» соответствует выражению «**обязательно** не А».

Однако взаимная определимость, выразимость указанных операторов в случаях с разрешением несколько иная. Она сопряжена с определенными сложностями, требующими существенных оговорок.

Выражение «**обязательно** А» соответствует выражению «**не разрешено** не А». Как видно, появляется отрицание оператора нормативности (не разрешено).

Выражение «**запрещено** А» эквивалентно выражению «**не разрешено** А». Взаимная определимость также здесь выражена через отрицание разрешения.

В ситуации с взаимной определимостью разрешений и запретов и кроется основная сложность, обусловленная отрицанием оператора нормативности.

Парадокс ситуации в том, что выражение «**не разрешено** А» может толковаться диаметрально противоположным образом. Эта парадоксальная специфика отражена в хорошо известном разделении двух правовых режимов, которые принято называть не просто противоположными, а противопоставленными друг другу. И это противопоставление имеет четкий политико-идеологический подтекст.

Один режим принято называть общедозволительным правовым режимом (по терминологии юридической науки) или либеральным (по терминологии логико-философских наук). Данный режим традиционно обозначают формулой «разрешено все, что не запрещено».

Второй режим принято называть запретительным (по терминологии юридической науки) или деспотическим (по терминологии логико-философских наук). Подобный режим традиционно обозначают формулой «запрещено все, что не разрешено».

На первый взгляд, если опираться на приведенную выше абстрактную схему взаимоопределимости таких модальностей, как «разрешено» и «запрещено», подобное выделение двух нормативных режимов некорректно. Тем более надуманным *кажется* их противопоставление. Ведь действительно, если выражение «**запрещено** А» логически эквивалентно выражению «**не разрешено** А», то формула «**запрещено все, что не разрешено**» кажется тривиальностью. И самое главное — она кажется применимой к **любому** — и нормативному, и правовому — режиму.

Соответственно формула «запрещено все, что не разрешено» воспринимается как такая же тривиальность, совершенно обычная схема взаимной определимости нормативных

модальностей. И подобная схема подходит к любому, самому либеральному правовому режиму. Ведь действительно, если в таких странах с либеральным правовым режимом, как США, Великобритания и т. д., не разрешено продавать героин, въезжать на территорию без официального пересечения границы (например в грузовом отсеке водного транспорта) и т. д., то это запрещено.

Но данная тривиальность в действительности обманчива. И причина в том, что выражение «**не разрешено** А» в одном случае можно интерпретировать как «**запрещено** А», но в другом случае это можно толковать ровно противоположным образом — как «**не запрещено** А».

На эту проблему указывал, в частности, Вригт, предложив при этом решить данную проблему «раз и навсегда» следующим образом.

Нам важно понимать, имеем ли мы дело с нормами-предписаниями либо с нормами-высказываниями, точнее с «дескриптивно интерпретируемыми нормами-формулировками» [4, с. 301].

Если это нормы-высказывания, то «не запрещено» толкуется как описание. Это описание отсутствия запрещения: «Утверждать, что отсутствие запрещения равносильно разрешению, — значит высказывать утверждение на уровне норм-высказываний...» [4, с. 300], поскольку «"отсутствие" есть описательное понятие» [4, с. 300].

Представляется уместным дополнить данный тезис Вригта необходимым обоснованием.

Выражения «**не запрещено** А» и «**не обязательно** А» не вполне корректны, поскольку в описательных суждениях использование отрицания неприемлемо. Дело в том, что общая субъектно-предикатная форма описательного высказывания «S есть р» не предполагает отрицания. Говоря несколько упрощенно, наличие или отсутствие чего-либо в подобных высказываниях задается с помощью приписывания им значений «истинно» или «ложно». Иными словами, в более корректном выражении высказывания «**не запрещено** А» и «**не обязательно** А» выглядят так: «ложно, что **запрещено** А» и «ложно, что **обязательно** А».

Поскольку нормативным высказываниям как таковым логически недопустимо приписывать

значения «истинно» или «ложно», постольку в данном случае высказывания «**не запрещено** А» и «**не обязательно** А» нормами не являются. Это некие описания норм, т. е. это не нормы в строгом смысле слова, не нормы как таковые.

Вместе с тем у некоторых ученых-юристов есть концептуальное мнение о том, что нормам-предписаниям возможно приписывать значения «истинно» или «ложно». Очевидно, что принятие подобной точки зрения приводит к несостоятельности приведенного выше доказательства.

Относясь с огромным уважением к авторской позиции В. М. Баранова и проделанному им фундаментальному исследованию, все же отметим, что в контексте принятия классической (аристотелевской) концепции истинности логически недопустимо приписывать значения «истинно» или «ложно» нормативным высказываниям. Эта недопустимость была доказана при использовании специального инструментария (булевой алгебры) для преобразования и выводимости дескриптивных высказываний относительно норм *de re* в специальных логико-философских исследованиях. Вероятно, что при доказывании учеными-юристами возможности приписывания значения «истинно» или «ложно» нормам *de re*, была использована иная концепция истинности. Мы полагаем, что целесообразнее все же применять классическую концепцию истины, хотя некоторые исследователи считают, что в данном случае послушное следование формально-логическим конструкциям может препятствовать глубокому познанию природы правовых явлений [5, с. 13]. Вместе с тем можно заметить, что Н. Н. Вопленко предлагает считать связь истины и справедливости несколько более тесной [5, 6], нежели требуется для гносеологического контекста интерпретации истины. По меньшей мере разрешение данного спора зависит от результатов доказывания: какую концепцию истины следует использовать при применении логических приемов познания предмета юридической науки?

Иными словами, в подобной **описательной** интерпретации формула «разрешено все, что не запрещено» не выражает регулятивных, предписывающих свойств того правового режима, который мы называем общедозволительным. Это не предписание, т. е. речь не идет о

конституировании правового режима как такового.

Если же, говоря «это не запрещено», мы даем **предписание**, то тем самым разрешаем что-либо сделать [4, с. 300]. Соответственно, выражение «не разрешено» понимается не как **описание** отсутствия разрешения, а как **предписание** — запрет поведения. В этом случае формула «запрещено все, что не разрешено» выражает регулятивные, предписывающие свойства, т. е. репрезентирует именно правовой режим.

Фактически Вригт говорит о различении норм *de re* и норм *de dicto*. Это весьма важное, но довольно тонкое различие очень редко учитывается в юридических науках. При сложных, «многоступенчатых» теоретических построениях юридической науки данный факт может вести к не вполне корректным выводам и противоречиям, например к тождественности (логической) тех правовых режимов, которые принято противопоставлять. И начальное в данном случае противоречие — это различие в допустимости разнообразного понимания природы разрешений.

Вводя в контекст нашего юридического исследования отличие между нормативными высказываниями *de re* и *de dicto*, мы имеем возможность выявить и новые грани природы права человека.

Вместе с тем представляется необходимым развить указанные идеи логики норм вообще и идеи Вригта в частности, но применительно как минимум к юридической науке. Это позволит отразить свойства юридических разрешений (дозволений), важные именно в контексте юридической науки и практики.

Прежде всего отметим, что смешение описывающей и предписывающей интерпретации норм, т. е. норм *de re* и норм *de dicto*, не злонамеренно и даже не вполне случайно.

Главным образом сама деонтическая логика — это логика высказываний о нормах, формально-логический дискурс-анализ этих высказываний, поскольку в отношении собственно норм *de re* мы этого сделать не сможем, хотя подобный анализ необходим именно для выявления свойств норм *de re*.

Юридическая наука также оперирует преобразованиями именно с высказываниями о нормах, так как научно-юридический текст не является нормативно-правовым актом.

В такой ситуации введение в рассуждение именно норм как таковых, норм *de re*, требует

специальной оговорки, что не всегда делается даже в деонтической логике.

Рассмотрим хрестоматийный пример.

Указанная взаимная определимость обязанностей и запретов «обязательно А» означает «запрещено не А» и при этом является неполной. Ее дополняют также разрешением.

В частности, «**обязательно А**» эквивалентно выражению «**запрещено не А**», но также означает, что «**разрешено А**». На первый взгляд, действительно, «**обязательно А**» не может быть не разрешенным, т. е. не может быть запрещенным. Но если мы говорим, что «**разрешено А**», то прекрасно известна определимость — «**разрешено А**», т. е. «**не обязательно А**» и «**не запрещено А**». В этом и состоит противоречие.

Иными словами:

- 1) «**обязательно А**» предполагает «**разрешено А**»;
- 2) но «**разрешено А**» предполагает «**не обязательно А**».

Мы сталкиваемся с ситуацией, когда утверждаем о некоем поведении «А», когда одновременно «**обязательно А**» и «**не обязательно А**». Но в **одной** нормативной системе (а мы подразумеваем в данном случае именно одну систему права) это не допустимо. И проблема как раз в том, что мы не уточняем — идет ли речь об описательном или же о нормативном толковании разрешения.

Если это описание, то мы описываем, что «А» находится вне пределов регулирования через запрет и обязывание, иными словами, описываем, что «**не обязательно А**» и «**не запрещено А**». То есть в случае *норм de dicto* не допустимо говорить, что «**обязательно А**», предполагается, помимо **запрета воздержаться** от «не А», также и **разрешение** «А». На первый взгляд, это тривиальность, поскольку изначально (при обязывании) речь и не шла об описании, но о предписании. Однако в таком случае не следует утверждать, что к **разрешенным** действиям относятся действия нормативно безразличные, т. е. не регулируемые нормами, так как при нормативной безразличности разрешение по определению толкуется не как предписание, а как описание! Более того, при нормативной безразличности, отсутствии правового регулирования называть некое поведение разрешенным можно с таким же успехом, как и **не разрешенным** (мы будем описывать, то, что отсутствует правовое регулирование в виде

разрешения). Особо подчеркнем, что поведение нормативно безразличное, в частности, поведение вне пределов нормативно-правового регулирования, можно выразить лишь через нормы *de dicto*, поскольку мы ничего не предписываем (не регулируем). Поэтому можно утверждать, что нормативно безразличное поведение **не разрешено** в том смысле, что **отсутствует его регулирование** в форме разрешения (а также в форме запрета и обязывания), т. е. такое поведение не разрешено, не обязательно и не запрещено.

Именно в подобном контексте и можно утверждать, что выражение «**не разрешено А**» можно понимать как «**запрещено А**» (при предписании) и как «**не запрещено А**» (при описании).

Иными словами, возможны следующие варианты:

1. «**Обязательно А**» (**предписание**) предполагает «**разрешено А**», т. е. описание этого предписания через одну из его узких системных связей, например, «ложно, что запрещено».

2. «**Разрешено А**». В данном случае возможны варианты:

а) в широком системном контексте — это **описание** широкой системной связи (наличие корреспондирующей обязанности). Здесь из «**разрешено А**» не следует «**не обязательно А**». Вместе с тем с практической точки зрения было бы уместнее понимать это как указание на поведение для другой стороны правоотношения, т. е., по сути, **вести речь о предписании**;

б) в узком же системном контексте «**разрешено А**» — это **описание** отсутствия (ложно, что «обязательно А») для одного и того же адресата, т. е. из «**разрешено А**» следует «**не обязательно А**» (ложно, что «обязательно А»).

3. «**Разрешено А**» (понимаемое как **описание** нормативной безразличности) предполагает «**не обязательно А**» (вообще нет обязательности как нормативного регулятора). Само «разрешение» здесь употреблено не вполне точно, поскольку точно с таким же значением можно было бы использовать любой другой нормативный оператор.

Таким образом, говоря о разрешении, необходимо каждый раз делать оговорку — идет ли речь о нормах *de re* либо о нормах *de dicto*. Важность подобной оговорки тем существеннее,

что «по умолчанию» логическая связь разрешений с иными нормативными модальностями предполагает отсутствие запрета и обязанности, т. е. именно описания.

Из приведенного анализа видно, что нормативные разрешения в логическом смысле обладают определенной спецификой. Прежде всего без специальной оговорки относительно предписывающей их интерпретации, разрешения вообще не являются предписаниями — они не имеют, например, нормативно-правового характера. Если же мы делаем подобную оговорку и понимаем разрешения как предписания, то фактически мы **указываем** на иные предписания. Например, «не разрешено А» указывает на «запрещено А». Иными словами, в подобных случаях разрешения имеют предписывающий характер лишь в качестве особых **заместителей** таких операторов, как «запрещено» и «обязательно». Фактически у разрешений нет той доли самостоятельности предписаний, как у запретов и обязанностей.

Но в таком случае отождествление разрешений со свободой в логическом аспекте имеет специфические последствия.

Если понимать разрешения как нормы *de dicto*, т. е. толковать их описательно, то свобода не будет иметь регулятивного значения. Думается, что в контексте весьма влиятельных правовых традиций, когда связь права и свободы понимается как очень значительная, подобный подход к разрешениям как выражению свободы — это неудобный, нецелесообразный вывод.

При понимании же разрешения как предписания, как нормы *de re*, свобода будет иметь несколько неожиданное, практически парадоксальное выражение — по сути, ее следует трактовать как запреты и обязанности. Вероятно, подобный подход является слишком натянутым, слишком искусственным.

Иными словами, если понимать права человека как разрешения в узком системном контексте, через такую системную связь, как взаимная определенность нормативных операторов, взятую в совокупности со спецификой ее дескриптивной и прескриптивной интерпретации, то соотношение прав человека со свободой представляется весьма проблематичным.

В данном случае возникает вопрос о

расширении системного контекста в понимании прав человека как разрешений.

Именно в этом ключе и следует рассматривать связь разрешений с обязанностями и запретами, что, однако, выходит за рамки настоящей статьи.

Список библиографических ссылок

7. Редько А. А. Новое понимание законности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1.
2. Ходарева Т. В. Судебная власть как правозащитный институт // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 4.
3. Попов В. В. О связи прав человека со свободой: некоторые логические проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 2.
4. Г. Х. фон Вригт. Логико-философские исследования. Избр. тр. М., 1986.
5. Вопленко Н. Н. Истина и справедливость: проблемы взаимосвязи (ч. 1) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2.
6. Вопленко Н. Н. Истина и справедливость: проблемы взаимосвязи (ч. 2) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3.

© Попов В. В., 2014